

ЕКАТЕРИНА КУЛИ

ЛАГЕРНЫЕ БАЙКИ

ВОЗВРАТУ НЕ ПОДЛЕЖАТ

18+

Екатерина Кули

Лагерные байки

возврату не подлежат

<https://litres.ru/74673463>

SelfPub; 2026

Аннотация

Добро пожаловать в «Лесное зеркало» — лагерь, из которого невозможно уехать. На первый взгляд это образцовый островок пионерского детства, но у него есть зловещее двойное дно — Изнанка. Время здесь превратилось в петлю, требующую новую дань.

Пройдите сквозь эпохи и леденящие тайны лагеря:

1985: Что прячется под трескающейся гипсовой статуей горниста?

1993: Чей безумный плач доносится из тумана и кто бродит в окровавленной маске?

2008: Какую страшную трансляцию из заброшенной радиорубки ловят смартфоны?

2015: Кто пугающая вожатая на снимках Polaroid, прижимающая палец к губам?

2026: Третьего отряда официально не существует, но из пустого корпуса слышен кашель.

Будьте осторожны. Лагерь умеет вглядываться в ответ, и в конце вы можете обнаружить, что ваше имя уже вычеркнуто из списка живых. Смена началась. Спрячьтесь и не дышите.

Содержание

ПРОЛОГ	5
Белый Кролик больше не голоден	9
Смена 1993 года	9
Глава 1. Запах клея и сосновой смолы	9
Глава 2. Анатомия папье-маше	14
Глава 3. Нечеловеческие углы	17
Глава 4. Убежище	20
Эпилог. Белый кролик больше не голоден	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Екатерина Кули Лагерные байки возврату не подлежат

ПРОЛОГ

У детства всегда один и тот же запах. Оно пахнет пыльными тополиными листьями, засохшим клеем ПВА на пальцах, сладковатым перегноем сосновой хвои и дешевым цитрусовым лимонадом, который оставляет на губах липкий след. В лагере «Лесное зеркало» к этому коктейлю применялся еще один едва уловимый оттенок — тонкий, химический аромат формалина и старых, отсыревших библиотечных книг, чьи страницы намертво склеились от времени.

Дети не замечают этого. Дети вообще удивительно слепы к трещинам в мироздании, пока эти трещины не начинают кровоточить прямо им на сандалии.

Они приезжают сюда в июне, вываливаясь из душных «Икарусов» или «ПАЗиков» — год на календаре не имеет значения, потому что здесь, под сенью глухого соснового бора, время ведет себя как полудохлая муха в стакане с сиропом. Перебирает лапками, но никуда не двигается. Они заседают в кирпичные корпуса, отвоевывают себе скрипучие

панцирные кровати, прячут под матрасы запрещенные карты и сушки, а по вечерам мажут друг друга зубной пастой «Блендамед». Они думают, что приехали отдыхать.

Они не знают, что «Лесное зеркало» — это не просто оздоровительный комплекс. Это капкан.

Главное — пережить два часа. Сто двадцать минут абсолютного, стерильного безмолвия. В четырнадцать ноль-ноль над лагерем проносится хриплый, захлебывающийся свист старого репродуктора. Железный раструб на столбе у главной площади давно заржавел, внутри него свили гнезда осы, а провода от радиоузла обрушились еще во время пожара в конце восьмидесятых. Но каждые сутки в два часа дня мембрана оживает. Она выдает утробный, скрежещущий гул, сквозь который пробивается бодрый, мертвенно-веселый голос пионерки-героини: «Внимание, отряды! Наступил Тихий час. Всем занять свои места. Тишина — залог здоровья».

И лагерь умирает.

Солнце застывает в зените, превращаясь в белесый глаз, выжигающий краску на заборах. Воздух становится густым, как незастывшая эпоксидная смола. Птицы замолкают. Вожатые закрывают глаза на верандах, и их лица под лучами солнца становятся похожими на оплывшие восковые муляжи.

Тело нормального ребенка в эти часы требует сна. Тяжелого, душного, сновидческого забытья, после которого просыпаешься с отпечатавшейся на щеке сеткой от подушки и

дикой жаждой. Но всегда находится тот, кто не спит. Тот, у кого внутри слишком громко тикает любопытство или страх.

Стоит тебе продержаться с открытыми глазами до четырнадцати пятнадцати, как мир начинает шелушиться.

Сначала исчезает цвет. Зелень сосен сереет, превращаясь в цвет пережженного пепла. Штукатурка на стенах корпуса идет глубокими, извилистыми трещинами, из которых начинает сочиться черная, маслянистая влага. Это не вода. Если коснуться ее пальцем, на коже останется несмываемый запах болотной гнили и тухлого мяса, а сам палец будет покалывать, словно от слабого разряда тока.

Затем приходит звук. Шаги. Это не мягкие шаги вожатого, проверяющего порядок. Это тяжелый, шаркающий стук резиновых подошв по рассохшемуся линолеуму. Хрусть-шлёп. Хрусть-шлёп. Это идет он. Старший вожатый. У него правильная осанка, выглаженная рубашка, но там, где должно быть лицо, белеет абсолютно гладкая, лишенная пор и разрезов плоть. Как гипс, который забыли обработать резцом. Если он зайдет в палату и застанет тебя бодрствующим, он не станет ругаться. Он просто наклонится очень близко — так, что ты почувствуешь исходящий от его безликой головы запах хлорки и сырой земли — и начнет медленно впитывать твое присутствие.

А за пределами корпусов ждет Озеро.

Оно лежит в низине, безупречно круглое, словно вырезанное из куска темного обсидиана. Вода в нем никогда не

покрывается рябью, даже в шторм. Но если ты подойдешь к деревянному пирсу во время Тихого часа и заглянешь в эту черную глубь, ты увидишь Изнанку во всей ее лавкрафтианской полноте. Твое отражение посмотрит на тебя из глубины. Но оно не повторит твое движение. Оно останется неподвижным. А за его плечами, там, в подводном сосновом лесу, будут копошиться вещи, у которых слишком много суставов и слишком голодные, немигающие глаза. Там, на дне, время свивается в клубок. Там бредет по серому коридору тринадцатилетний мальчик из 1988 года, крича от ужаса, пока его пальцы превращаются в бледные корешки растений, и его крик беззвучно долетает до ушей девочки, стоящей на пирсе в 2026-м.

Они все связаны. Прошрое, настоящее и будущее лагеря «Лесное зеркало» переварено этим местом и превращено в единую, незаживающую рану.

Ты думаешь, что сможешь просто переждать? Закрывать глаза под одеялом и притвориться спящим?

Попробуй. Но помни: одеяло слишком тонкое. А Белый Кролик, который прячется под половицами старого изолятора, больше не голоден. Он наелся. И то, что выходит из него наружу теперь, когда его чрево переполнено детскими снами и сломанными костями, тебе очень не понравится.

Слышишь? Радиоузел начинает хрипеть. Два часа дня. У тебя есть ровно минута, чтобы закрыть глаза.

Если, конечно, еще не слишком поздно.

Белый Кролик больше не голоден

Смена 1993 года

Глава 1. Запах клея и сосновой смолы

Все началось в среду, после полдника, когда отряды лагеря «Лесное зеркало» вяло разбрелись по сосновым аллеям. Солнце пекло сквозь кроны деревьев, а из репродуктора над столовой доносился бодрый голос Олега Газманова. Шестнадцатилетний Денис, вожатый-практикант в модной, но уже слегка потертой олимпийке Montana, сидел на деревянном крыльце старого клуба вместе с младшим братом Костей и толстым Серёжей из второго отряда. Денис лениво крутил на пальце связку ключей от каморок, где хранился хлам прежних эпох.

— Короче, пацаны, есть тема, — Денис заговорщически понизил голос, оглядываясь на окна главного корпуса. — Мне старшие рассказали. В этом клубе, в подсобке под сценой, лежит реквизит старого кружка. И там есть одна маска. Нам нужно сыграть в «Прятки с Белым Кроликом». Это лагерная игра, древняя, еще из семидесятых.

— А вожатые не вставят? — Сережа боязливо шмыгнул

носом, вытирая потный лоб рукавом футболки. Он держал в руках бутылку лимонада «Буратино».

— Не вставят, если сыграем в Тихий час, с двух до четырех, — ухмыльнулся Денис. — Они в это время спят как убитые. Правила простые: водящий надевает маску Кролика, завязывает глаза платком и считает до тридцати. Кролик ищет вслепую, только на звук. Если Кролик подходит близко, ты должен замереть и не дышать. Если он услышит твой вдох — ты проиграл и отдаешь ему что-то свое. Вещь. Ну или кусочек себя, так в страшилке говорится. Кто последний останется ненайденным — тот выиграл. Ну что, слабо?

— Мне не слабо, — буркнул Костя. Он запустил руку в карман шорт и нащупал там свою счастливую монетку — старый латунный пятак 1981 года с отполированными до блеска краями. Костя верил, что пока пятак с ним, на футболе ему всегда везет. — Давай сыграем.

Они пробрались в каморку клуба и нашли её на дне фанерного сундука, обернутую в пожелтевшую газету «Пионерская правда». Это было уродливое творение из слоев старых газет и прогорклого клейстера. Время не пощадило Белого Кролика: клей высох и пах библиотечной сыростью, краска облупилась, обнажая серую марлеву основу, словно кролик страдал от жуткого кожного лишая. Одно ухо было надломлено и уныло свисало вбок. Но хуже всего были глазницы — вырезанные слишком широко и криво.

И вот наступила пятница. 14:15. Время, когда «Лесное

зеркало» должно было вымереть. Сухой, горячий воздух августа пах сосновой смолой и пережаренными котлетами. Костя прижался щекой к прохладному, облупившемуся боку старого пожарного щита. Сквозь щель в рассохшихся досках ему был виден весь пустынный двор перед клубом. Солнце стояло в зените, но свет казался странным — не желтым, а каким-то пепельным, словно лагерь накрыло невидимым облаком вулканической пыли. Вокруг Кости реальность теряла плотность: штукатурка на главном корпусе казалась серой пеной, а сосны на горизонте выглядели обугленными скелетами. Изнанка лагеря проступала наружу.

Из темноты дверного проема клуба показалась фигура брата. Только теперь Дениса было не узнать. Он шел в маске Кролика, а поверх глаз у него действительно был повязан пионерский галстук — все как договаривались.

— Раз... два... три... — голос Дениса прозвучал глухо, с хлюпающим придыханием, будто марля изнутри маски была насквозь мокрой. — Я иду... искать.

Денис двинулся вперед, вытянув руки. Сначала это выглядело как обычная игра. Он натывался на кусты, шаркал кедами по гравию. Но с каждой секундой его походка менялась. Он перестал быть похож на неуклюжего слепца. Его колени начали сгибаться под странным, слишком острым углом, а голова в уродливом папье-маше дергалась из стороны в сторону, словно он улавливал вибрации воздуха.

Костя затаил дыхание, вжавшись в крапиву за щитом.

Кролик остановился прямо посреди двора. Вокруг стояла мертвая тишина. Маска медленно повернулась в сторону кирпичной пристройки хозблока. Там, в узкой нише между стеной и ржавым баком для дождевой воды, прятался толстый Серёжа. Костя слышал его испуганное сопение минуту назад.

Сережа в нише хозблока судорожно, со свистом втянул воздух. Он нарушил правило. Он задышал.

Кролик замер. Его голова дернулась сначала влево — туда, где за пожарным щитом сидел Костя. Маска сделала три бесшумных, текучих шага в его сторону. Костя почувствовал запах: тяжелый, сладковатый душок парного мяса, которое слишком долго пролежало на солнцепеке. Из прорези рта Кролика на траву упала густая, темная капля. Костя зажал рот обеими руками, вонзая ногти в щеки, и зажмурился. В кармане он судорожно сжал счастливую монетку. Не дышать. Главное — не дышать.

Но затем раздался еще один всхлип со стороны хозблока. Сережа не выдержал накала страстей. Существо мгновенно потеряло интерес к Косте. Оно развернулось и почти беззвучно бросилось к нише. Денис протиснул голову и плечи в узкую щель между кирпичной стеной и баком. Раздался глухой, влажный скрежет. Из ниши донесся короткий, захлебнувшийся визг, который тут же оборвался хлюпающим звуком.

Когда Кролик отпрянул и ломаными прыжками скрылся

в темноте заброшенного клуба, Костя подбежал к хозблоку. Сережа стоял, привалившись к стене, с абсолютно пустым, стеклянным взглядом. А на его правой щеке, прямо под глазом, не хватало аккуратного, ровного лоскута кожи — словно его срезали хирургическим скальпелем.

В 16:05 лагерь ожил, как ни в чем не бывало. Пепельный туман рассеялся, солнце снова стало желтым, а Сережу увели в медпункт. Вожатые суеились, уверяя всех, что «мальчик просто упал на ржавую арматуру». Костю трясло. Избегая расспросов, он бросился к вожатской беседке на краю соснового бора. Денис сидел там на лавке, лениво перематывая карандашом кассету в плеере. На нем снова была его привычная синяя олимпийка. Маски нигде не было видно.

— Денис! — Костя влетел в беседку, задыхаясь. — Денис, прекрати это! Что ты сделал с Сережей? Зачем ты туда полез?!

Брат медленно поднял голову. На мгновение Косте показалось, что лицо Дениса выглядит слишком плоским. Вокруг его шеи тянулась тонкая, воспаленная красная полоса, похожая на свежий хирургический шов.

— Ты о чем, мелкий? — голос Дениса был обычным, но в нем сквозила странная, тягучая вялость. — Сережа упал. Бывает. Сам же знаешь, там кругом стройматериалы валяются.

— Не вилай! Это был ты! В той маске из клуба! Ты залез в щель, ты... укусил его! Я все видел, Денис!

Денис замер. Карандаш застыл в пластиковом колесике кассеты. Он посмотрел на Костю с искренним, туповатым недоумением.

— Костян, ты перегрелся на солнце? Мы же так и не сыграли. Я после обеда сразу в беседку пошел, кассету перематывать. Заснул тут, наверное. Какая маска? Какие прятки?

Денис улыбнулся, но эта улыбка не дошла до его пустых, затянутых легкой маслянистой пленкой глаз.

— Кстати, — Денис потянулся к карману олимпийки и вытащил оттуда латунный пятак — счастливую монетку Кости. — Кажется, ты обронил у пожарного щита. Я мимо шел, подобрал. Держи свою прелесть.

Костя содрогнулся. Пятак был липким и пах сырым мясом.

Глава 2. Анатомия папье-маше

Счастливая монетка, которую Денис вернул после той первой игры, пахла подвалом и тухлой озерной водой. Костя попытался отмыть латунь лагерным мылом «Земляничное», но бурый налет въелся в рельефные цифры «1981» намертво. Ночью Косте снилось, что пятак на его ладони превращается в серый бумажный нарост, который медленно прорастает сквозь плоть к костям. За окном, в предрассветном тумане соснового бора, что-то глухо и ритмично билось о стену корпуса — бум... бум... бум... — словно кто-то ломал собствен-

ные кости, подгоняя их под геометрию углов.

К середине смены «Прятки с Белым Кроликом» превратились в извращенный лагерный культ. Каждый день ровно в 14:00, когда над сосновым бором повисала душная, липкая тишина, дети послушно прятались. Это больше не было развлечением — это был ритуал выживания. Воздух в эти часы становился густым, как остывающий кисель, и пах не летней хвоей, а затхлой водой из глубин Лесного зеркала и разлагающимся клейстером.

Денис окончательно перестал снимать маску. Даже во время утренней линейки или обеда уродливая морда из папье-маше торчала над воротом его синей олимпийки. Вожаемые лишь посмеивались, считая это «крутым лагерным приколом» и затянувшимся розыгрышем для поднятия духа отряда.

— Кожа на солнце обгорела, пацаны, — глухо объяснял Денис, но его голос теперь звучал так, словно он говорил через мокрую тряпку. Каждое слово сопровождалось влажным, хлюпающим прищелкиванием, будто его язык разбух и с трудом ворочался во рту.

Костя видел правду. На дискотеке, когда стоваттная лампочка под потолком веранды мигала в такт кассете с импортным техно, он подошел к брату со спины. Бельевая резинка маски исчезла — она просто вросла в затылок Дениса, скрытая грязными волосами. Края папье-маше на шее больше не топорщились. Старая бумага пустила тонкие, нитевид-

ные корешки прямо под кожу, и эти капилляры пульсировали грязно-серым гноем. При каждом движении головы брата раздавался не хруст шейных позвонков, а отчетливый скрежет рвущихся слоев сухой газеты.

Наступил очередной Тихий час. Лагерь мгновенно провалился в пепельный морок Изнанки. Краски полиняли, небо над озером затянуло мертвой свинцовой коркой, а штукатурка на стенах спального корпуса пошла серыми, пушистыми хлопьями плесени.

Костя не спал. Он стоял у окна спальни третьего отряда, вдавившись лбом в мутное, покрытое слоем вековой пыли стекло. Его пальцы судорожно сжимали деревянный подоконник, от которого пахло рассохшейся древесиной и сыростью.

На пустынную аллею вышел Кролик.

Его походка потеряла последние признаки человеческой анатомии. Существо передвигалось дергаными, ломаными толчками, словно суставы Дениса пересохли и с трудом преодолевали сопротивление. Левая нога при каждом шаге выворачивалась коленом назад, с сухим треском в тазобедренном суставе, а длинные руки волочились по жухлой, покрытой серым налетом траве. Олимпийка на спине натянулась — позвоночник Дениса выгнулся острой, бугристой дугой, прорывая ткань тонкими костяными шипами.

Кролик остановился под окном Кости. Уродливое надломленное ухо маски дрогнуло, улавливая шорохи внутри

здания. Граница между реальностью и кошмаром истончилась настолько, что Костя кожей почувствовал, как из прорезей маски веет могильным холодом подвала. Кролик медленно закинул голову назад. Лицо из папье-маше повернулось к стеклу, и из огромных, неровных глазниц на Костю уставилась сама бездонная, серая пустота Изнанки лагеря.

Маска приоткрыла рот, и оттуда, срываясь с желтых, отросших резцов, вырвался влажный, сытый шепот, от которого стекло покрылось ледяной изморозью:

— Кролик... чует... вдох...

Глава 3. Нечеловеческие углы

Ледяной узор на стекле мгновенно растаял, превратившись в грязные потеки, едва Кролик отвел взгляд. Шепот брата все еще вибрировал в барабанных перепонках Кости, но существо уже развернулось. Оно почуяло другую добычу.

Морок Тихого часа накрыл лагерь тяжелым, одурманивающим саваном. В нормальном мире вожатые в своих комнатах лениво курили, пили чай из индийских пиал или дремали под тихое шуршание кассетников. Они пребывали в каком-то липком гипнозе, упорно не замечая, что сосновые иглы на аллеях стали серыми и хрупкими, как пепел, а воздух над лагерем застыл, превратившись в душный вакуум. Лагерь медленно, корпус за корпусом, переваривался Изнанкой. И Белый Кролик был главным инструментом этого про-

цесса.

Костя выскочил из палаты через черный ход, едва сдерживая рвотный позыв — по лагерю пополз новый, удушливый запах. Это был коктейль из забродившего обойного клея, старой мокрой бумаги и тяжелого, сладковатого душка сырого, начинающего подгнивать мяса.

Существо искало детей с пугающей эффективностью, ломая самую геометрию пространства. Костя, прячась за раскидистыми кустами сирени, с ужасом наблюдал за этой охотой. Законы анатомии больше не существовали для Дениса. Чтобы достать Юрку из пятого отряда, который забился под прогнивший настил старой веранды, Кролику потребовалось пространство шириной всего в двадцать сантиметров. Костя слышал этот звук — кошмарный, непрекращающийся треск. Денис не просто полз; его плечевые суставы с сухим щелчком вылетали из впадин, ребра складывались внутрь грудной клетки, как ломающийся веер, а таз уплощался, превращая шестнадцатилетнего парня в плоский кожаный мешок. Маска из папье-маше втягивалась в эту щель первой, шурша сухими слоями газет по земле. Юрка даже не успел закричать — только всхлипнул, когда Кролик с тихим чавканьем забрал свой лоскут кожи.

Через десять минут Кролик нашел Аньку. Она укрылась за огромным железным баком для пищевых отходов у стены столовой. Зазор между кирпичом и железом был не шире ладони. Обычный человек не смог бы засунуть туда да-

же руку. Кролик просто подошел, прижался уродливой мордой к щели и... начал переливаться туда. Его тело растягивалось, истончалось, словно нагретый пластик, теряя костную структуру. Из узкого пространства донеслось глухое, влажное хлопанье.

Когда существо, дергаясь, выползло обратно, Костя не выдержал. Психологический ужас от того, что это чудовище когда-то было его защитником, перевесил страх.

— Денис! — закричал он, выбегая из-за кустов. — Хватит! Отпусти их! Пожалуйста,ними эту чертову маску!

Кролик замер. Кости в его теле со свистом и щелканьем встали на место, возвращая фигуре относительное подобие человека в грязной, местами порванной олимпийке. Он медленно повернулся к Косте.

Вблизи кошмар оказался абсолютным. Никаких завязок или резинок больше не было. Края папье-маше намертво, бесшовно въелись в плоть шеи и щек Дениса. Граница между желтой бумагой и человеческой кожей превратилась в бугристый, воспаленный рубец, из которого сочилась мутная, пахнущая гнилью сукровица. Газетные шрифты тридцатилетней давности проступали прямо сквозь его собственную кожу на скулах. Из непомерно широких, кривых глазниц больше не преломлялся свет — оттуда, как из открытых могил, струился серый пепельный туман Изнанки, а по краям бумажных век запекалась черная кровь.

— Де-нис... больше... нет... — просипела маска. Нижняя

челюсть папье-маше двинулась вниз слишком глубоко, обнажая ряд острых, белых зубов, разросшихся в деснах в три ряда. — Остался... только... Кролик. Завтра... последняя... игра, Костян. Прячься... лучше.

Существо уродливо дернуло надломленным ухом и, совершив нечеловеческий трехметровый прыжок, скрылось в густых сосновых зарослях, оставив Костю один на один с наползающей серой темнотой.

Глава 4. Убежище

Серая темнота напозала со стороны Лесного зеркала сплошной, осязаемой стеной. На часах было всего половина четвертого дня, но солнце окончательно растворилось в небе, превратившись в блеклую бляшку, сквозь которую не проникало ни капли тепла. Лагерь больше не пытался казаться живым. Реальность лопнула, как пересохшая резина. Хрупкие серые корпуса стояли без окон — вместо стекол в рамах зияла бездонная густая пустота, а сосновые стволы вокруг осыпались сухим пеплом. Морок Тихого часа сожрал «Лесное зеркало» целиком, утянув его на самое дно Изнанки. Это была финальная игра.

Костя прятался за грудой прогнивших досок у крыльца девичьего корпуса, когда лагерь захлебнулся в панике. Дети из оставшихся отрядов, бледные, слепо разбежались по аллеям, натыкась на глухие стены Изнанки. Денис больше не

имитировал человеческую речь. Из темноты соснового бора существо вылетело ломаным, кошмарным галопом, издавая лишь непрекращающийся, утробный хруст переламывающихся внутри суставов и свистящий, мокрый вдох.

Вдруг на крыльцо выскочила вожатая Оля — напарница Дениса. Ее крашенные перекисью волосы были растрепаны, а на ногах болтались пластиковые шлепанцы. В Изнанке лагеря она казалась чужеродным ярким пятном в своей розовой футболке. Оля безумно дергала ручку запертой двери корпуса, всхлипывая и умоляя кого-то внутри открыть.

Кролик вырос перед ней мгновенно, сорвавшись с крыши соседней бойлерной. Костя зажал рот ладонями, видя, как ткань синей олимпийки Дениса лопают с треском на спине. Его фигура уродливо, неестественно удлинялась, кости предплечий и голеней с влажным треском вытягивались, превращаясь в длинные тонкие жерди. Маска из папье-маше наклонилась к лицу застывшей от шока Оли. Девушка успела лишь издать короткий, захлебнувшийся визг, когда Кролик с силой вбил себя в нее, складывая свои размякшие ребра внутрь грудной клетки, как ломающийся веер. Костя услышал кошмарное чавканье и сухой хруст папье-маше о бетон, смешанный с глухим хлопаньем. Кролик забирал плату за вдох.

Когда существо отпрянуло, Оля осталась стоять, привалившись к двери, с абсолютно пустым, стеклянным взглядом и ровной кровавой раной на лице. А уродливая морда Бе-

лого Кролика, измазанная черной, густой жижей, медленно повернулась в сторону досок. Широкие неровные глазницы уставились прямо на Костю.

— Х-х-х-рууу-ст... — вырвалось из прорези рта.

Костя сорвался с места, не помня себя от ужаса. Кеды скользили по слою серой, похожей на сажу хвои. Тяжелый дух гнилой бумаги, старого клейстера и теплого сырого мяса преследовал его по пятам, забивая легкие. Позади него воздух взрывался торжествующим, хлюпающим свистом. Кролик гонялся за ним, стремительно сокращая дистанцию. Костя слышал, как длинные хрящеватые конечности существа с тяжелым стуком бьют по серой земле, ломая сухие ветки. Тень с уродливым надломленным ухом уже накрывала спину мальчика, дыша ледяным холодом Изнанки прямо в затылок.

Внутренний компас вывел Костю к берегу озера. Вода в Лесном зеркале была аномально гладкой, как черное полированное стекло. У самой кромки воды, среди ржавого камыша, чернел старый заброшенный пожарный люк — тяжелое бетонное кольцо, уходящее под землю. Костя в последний момент рухнул на колени перед люком. Ободранными в кровь пальцами он судорожно ухватился за холодную ручку, потянул крышку на себя и сорвался вниз, в спасительную черноту, прямо перед тем, как длинные костлявые пальцы брата сомкнулись на воздухе там, где секунду назад была его голова.

Эпилог. Белый кролик больше не голоден

Падение в черноту колодца выбило из Кости остатки воздуха. Он рухнул на колени в липкую, вонючую жижу, которая хлопнула под его весом. Вокруг пахло вековой сыростью, болотным илом и ржавым железом. Сверху, сквозь открытый круглый зев люка, на него падал блеклый, мертвенно-серый свет Изнанки лагеря.

В этот просвет тут же просунулась уродливая морда из папье-маше.

Костя вжался спиной в скользкую бетонную стену, судорожно сжимая в кулаке латунный пятак. Кровь из ободранных пальцев капала прямо в болотную жижу. Он приготовился к смерти. Он ждал, что длинные, деформированные конечности Дениса вытянутся, как щупальца, и утянут его наверх, к разорванной олимпийке и страшным белым зубам в три ряда. Кролик замер в раме колодца, перекрывая серый свет своей массивной, изломанной тенью. Одно его ухо, надломленное и серое, уныло свисало вниз, касаясь марлевых нитей бетонного ободка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.